

Ну что сказать, мой старый друг...

К 70-ЛЕТИЮ
МАРКА БЕРНЕСА

Добрый — злой, умный — темный, честный — несправедливый, смелый — нерешительный, простодушный — хитрый, доверчивый — подозрительный, жесткий — сентиментальный, веселый — мрачный... Эти, исключаящие друг друга эпитеты, можно длить и длить, и все это будет верно — он. И все это не скажет главного о Марке Бернесе: неотразимо привлекательном и одаренном. С прибылью годов каждая черта его матерела, непостижимым образом уживаясь, не вытесняя одна другую. Ты мог остолбенеть от возмущения и через минуту размякнуть, лишь только он улыбнется. Черт знает что!

И корить уже можно только себя, свою подвластность этому обаянию. Обостренное чувство прозы и стиха при не ахти какой образованности. Вкус чуткий и точный, тема — своя. И в кино, и в песне. Музыкальность не очень гибкая и вместе с тем непогрешимая верность тона и мелодического чувства. Погодите, не он ли первый запел обыкновенным, житейским голосом, без обертонов, тремоло и прочих совершенно необходимых для публичного пения свойств?

Первый. Он. Что же покорило нас в этом таком простом пении? Думаю, демократичность, естественность, негромкость, и... лицо. Облик самого артиста. Может, это только со мною так, но ни разу я не слышал его пения в записи, не видя самого Бернеса, коренастую его фигуру, чуть сутулого, немолодого, его серьезно глядящего взора из-под бровей «домиком».

Но (за это можно поручиться) не один я полностью доверяю ему, словам его, грусти его — тут все не требует ни подтверждающего жеста, ни выразительной мимики, никаких других воздействующих эффектов. И это потому, что в песне он полноценно представлял свое поколение, свою страну.

А как делалась бернесовская песня? Ведь именно он дал жизнь многим советским песням. Процесс этот не банальный и, если хотите, даже поучительный.

Как-то среди ночи он позволил мне и вместо извинения процитировал шутку Светлова, дескать, дружба — понятие круглосуточное. Было это сказано не так гладко, как написано, а пересыпано различного рода «фундикарами» и «куфандорами» — бессмысленны-

ми звукосочетаниями, значащими для нас с ним что угодно, от денег до стихов. Зависимо от контекста. На этот раз «фундикарами» были стихи, Хорошие. Он читал мне их, рыдая меж строфами и строками. Я слушал прилежно и не сопереживал лишь потому, что занят был работой освобождения стихов от всхлипываний, нервного счастливого смеха и сморкания. Со второй попытки он прочитал все стихотворение почти без перерывов и спросил:

— Ну, как «куфандоры»?

«Куфандоры» были и на мой взгляд хорошие.

— Из них мы сделаем настоящую «фурдиноку».

Песня действительно могла получиться. Мне было велено следующим утром быть в Огаревом переулке у дома, где поселились почти все композиторы, сочиняющие песни. Дом красивый, в самом центре, у телеграфа, квартиры большие, с прекрасной слышимостью. Межэтажной... Стихи были распечатаны в пяти экземплярах. Были отобраны четыре именитых мастера песни, и мы заходили к каждому, как к единственному. А к вечеру этого же дня двое из них успели сочинить: один — **щемящий** блюз, другой — **очаровательный** вальс (определения произнесли сами творцы). У третьего получилось непросто, романсно, Бернесу неподходяще, что и было с деликатностью автору высказано.

Четвертый мучился. Ничего путного не приходило его воображению, и этим он внушал надежду. Через день-другой он нашел главную фразу. Она была проста и торжественна. Словом, нетрудно догадаться, что именно он сочинил песню, и Марк ее спел от себя. И чем более от себя, тем сильнее задевали каждого стихи Константина Ваншенкина и музыки Эдуарда Колмановского. Она вступала четырьмя мерными тактами, певец задумывался о себе, о прожитой жизни и определял ей — своей жизни — цену. «Я люблю тебя, жизнь...»

Сейчас ему было бы семьдесят. Он мало сыграл, мало спел. Нам остается лишь благословенное «ретро». Сколько там картин? Смехотворно мало. Не наберется десятка — в те времена их вообще снималось мало. Но каждое появление его героев трогает, восхищает, рождает привязанность и сострадание не только во мне. А как запоет... я снова вижу всего его, чуть сутулого, коренастого, пристально всматривающегося в нас из-под бровей «домиком». Вижу доброго, злого, умного... Ладно, это я уже говорил.

Зиновий ГЕРДТ.

СВЕТОЛАЯ КУЛЬТУРА
 г. МОСКВА
 7 ОКТ 1984